

Олег Рычков

ВЫЖИВШИЙ

18+

Олег Рычков

Выживший

<https://litres.ru/74203047>

SelfPub; 2026

Аннотация

заброшенный архипелаг ГУРА-7 в Северном Ледовитом океане где-то между Землей Франца-Иосифа и Новой Землей. В советское время там располагалась сверхсекретная лаборатория по изучению влияния вечной мерзлоты на психику человека. После распада СССР базу законсервировали, но ученые не смогли вовремя эвакуироваться и одичали под воздействием экспериментального газа-праймера.

Олег Рычков

Выживший

Выживший

Глава 1. Внеплановая командировка

Полковник Степан Аркадьевич Мышкин закрыл папку из натуральной кожи с золотым тиснением «Дело № 402-Б: О нецелевом расходовании казенного спирта на объекте "Полярная Заря" (1986–1989 гг.)», аккуратно выровнял ее края о край стола и посмотрел в иллюминатор.

Под брюхом старенького гидросамолета Л-410, который местные авиаторы ласково называли «Старым ведром», простиралась свинцовая гладь Северного Ледовитого океана. Ни одного айсберга. Ни одной льдины. Сплошной обман зрения и нарушение техники безопасности со стороны небесной канцелярии.

— Чай будете? — стюардесса, девушка лет двадцати с уставшим лицом, протянула ему пластиковый стаканчик. Пар от остывшей воды даже не поднимался.

Мышкин поправил узел идеального шелкового галстука. На архипелаге ГУРА-7 сейчас

минус двадцать пять по Цельсию. Выходить на трап в недостаточно отглаженном

воротнике было бы проявлением вопиющего непрофессионализма.

— Если вас не затруднит, юная леди, повторите попытку заваривания, но снизьте

температуру кипения до девяноста градусов. Кипяток убивает эфиры бергамота. И

мятный лист у вас есть? Тот пакетик пахнет прошлогодним сеном.

Стюардесса моргнула, молча забрала стаканчик и ушла в кабину пилотов.

Пилотировать этот участок маршрута мог только абсолютно глухой человек, иначе он

давно бы сошел с ума от бесконечных замечаний пассажира бизнес-класса.

Самолет тряхнуло. Раздался звук, похожий на то, как если бы великан выстрелил из

дробовика прямо по алюминиевому фюзеляжу. Левый двигатель вспыхнул

праздничным фейерверком, выбросив снап искр.

В салоне завизжала женщина. Где-то сзади заплакал ребенок.

Полковник Мышкин тяжело вздохнул. Он достал из внутреннего кармана пиджака

портативный степлер, заправил в него новую кассету скоб

и принялся методично

скреплять страницы отчета об административном правонарушении. Работа

предстояла большая: штраф за тот огнетушитель нужно было выписать по всей

форме, а бланки строгой отчетности при крушении имеют свойство теряться или

приходить в негодность.

— Граждане пассажиры! — прохрипел динамик голосом командира корабля. Судя по

интонации, командир только что выронил штурвал и теперь пытался найти его

вслепую. — Наш рейс четыреста двенадцать совершает внеплановую посадку в

связи с техническими... твою ж мать, оно горит! Держитесь за что-нибудь твердое!

Л-410 клюнул носом. Пол ушел из-под ног. Сумка с сухим пайком пролетела через

весь салон и впечаталась в дверь туалета.

Мышкина вдавило в кресло. Он закончил скреплять пятнадцатую страницу, полюбовался ровным рядом металлических кружочков, спрятал отчет во внутренний

карман, чтобы документы не промокли, пристегнулся дополнительным ремнем для

парашютистов и вежливо обратился к побелевшему попутчику справа:

— Не считите за труд, передайте вон ту кислородную маску. Только, пожалуйста, снимите ее с фиксатора плавным движением, направленным на себя и чуть вверх.

Резкие рывки нарушают целостность гофрированного шланга. У авиакомпании потом

замучаешься списывать амортизацию.

Океан стремительно приближался.

Когда соленая вода сомкнулась над кабиной, выбивая иллюминаторы, полковник

Мышкин задержал дыхание, ухватился за подлокотники и подумал лишь об одном: ботинки ручной итальянской работы совершенно не предназначены для хождения по

ледяной каше. Подошва сотрется за первые десять минут. Нужно будет обязательно

зафиксировать это в рапорте как порчу служебного имущества по вине третьих лиц.

Глава 2. Несоответствие ГОСТу

Холод ударил так, словно кто-то выключил солнце. Вода была густой, тяжелой и

пыталась залиться в легкие через нос. Мышкин вынырнул среди обломков крыльев и

дымящихся чемоданов. До ближайшей земли — заснеженной скалы, торчащей из

воды, как гнилой зуб, — было метров двести. Течение медленно, но верно относило

полковника в открытое море.

Рядом барахтался спасательный плот. Настоящий, оран-
жевый, советский, судя по
облупившейся краске — выпущенный еще к Московской
Олимпиаде. Мышкин

подплыл к нему, элегантно забросил свое тело внутрь (на-
мокший костюм-тройка

весил примерно как кольчуга) и первым делом проверил
содержимое штатной

аптечки. Бинты на месте. Жгут на месте. Активированный
уголь тоже присутствовал.

Срок годности последнего истек в прошлом тысячелетии.

— Нарушение условий хранения медицинских препара-
тов, — мрачно констатировал

полковник, доставая свой верный блокнот в кожаном пе-
реплете. — Запишем.

Ответственное лицо — Министерство здравоохранения
СССР, расформированное в
1991 году. Ситуация патовая.

Он погреб руками. Костюм тянул ко дну, дорогие туфли
наполнились ледяной водой.

Метров через пятьдесят Мышкин понял, что такими тем-
пами звание Героя

Российской Федерации ему присвоят посмертно, а отчет
написать он не успеет. Это
было недопустимо.

На берегу стоял деревянный пирс. К нему был пришвартован ржавый катер, на борту которого белой краской было криво выведено: «Бесстрашный». Рядом с катером возвышалась фигура. Человек был одет в медвежью шкуру, надетую мехом наружу, резиновые сапоги разного цвета и противогаз времен Карибского кризиса. В руках существо держало гарпун.

Мышкин зацепился окоченевшими пальцами за обледевшее дерево причала, подтянулся, перевалился через край и встал. Его ноги подкосились, но спину он удерживал идеально прямой.

Существо в противогазе издало утробный рык и подняло гарпун.

— Добрый день, — четко произнес полковник, одергивая мокрые манжеты рубашки.

— Федеральная Служба Контрразведки. Капитан второго ранга Мышкин. Предъявите

ваши документы, разрешающие охоту в данной акватории. Гарпуны кустарного

производства запрещены конвенцией ООН тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года, статья семь, пункт «бэ».

Существо замерло. Противогаз смотрел на гостя двумя круглыми стеклянными глазами. Затем рука в варежке из волчьей шерсти медлен-

но почесала заросший
затылок.

Из фильтра противогаса вырвалось сиплое шипение: —
Чаво?

— Я говорю, разрешение на вылов биоресурсов имеется?
— терпеливо повторил

Мышкин. — И прекратите скалить зубы. Это выглядит
крайне невежливо. Мы же с

вами цивилизованные люди, а не стадо морских котиков.
Существо снова зарычало, перехватило гарпун поудобнее
и сделало шаг вперед.

Похоже, стадия переговоров подходила к концу.
Мышкин расстегнул боковой карман своего портфеля-сейфа, который каким-то чудом
не выпустил из рук при крушении. Внутри, завернутые в
промасленную ветошь, лежали они. Два пистолета Макарова.

Полковник поморщился. Стрелять — это всегда такой
шум, столько бумажной

волокиты после баллистической экспертизы... Но выбора
не оставалось. Он

демонстративно снял оружие с предохранителя. Звякнули
металлические части.

— Последний раз спрашиваю по-хорошему, — сказал
Степан Аркадьевич. — Вы
протокол досмотра подписывать будете? Или мне состав-

лять акт о вооруженном

сопротивлении сотруднику при исполнении?

Медвежья шкура взревела и бросилась на него. А Мышкин вдруг вспомнил, что забыл

включить диктофон. Как теперь доказывать прокурору правомерность применения табельного оружия?

Мышкин мысленно чертыхнулся. Ближний бой означал, что дорогой костюм из

шерсти Super 150s придется списывать по статье «полное уничтожение». Химчистка

такое уже не возьмет. Но устав ФСК был неумолим: если субъект проявляет агрессию

и сокращает дистанцию до критической, сотрудник имеет право на нейтрализацию

угрозы любыми доступными способами.

Полковник вздохнул, перехватил портфель-сейф за ручку, выставив его перед собой

как щит, и принял стойку, которой его учили инструкторы еще в девяносто четвертом.

Существо в противогазе преодолело последние метры одним прыжком, замахиваясь

гарпуном сверху вниз. Оружие со свистом рассекло морозный воздух. Для обычного

человека это стало бы концом — три острейших стальных жала пробили бы грудную

клетку навывлет.

Мышкин шагнул вправо, уходя с линии атаки плавным, почти танцевальным

движением. Гарпун глубоко вошел в мокрую древесину пирса. Противник на секунду

замешкался, пытаясь выдернуть оружие. Это была классическая ошибка

необученного персонала.

— Я же просил по-хорошему, — процедил полковник.

Он отпустил портфель, позволив ему повиснуть на ремне через плечо, сделал резкий

подшаг вперед и нанес два коротких удара. Левый кулак жестко впечатался в

пластиковое забрало противозаза. Раздался глухой хруст треснувшего стекла. Правая

ладонь ребром обрушилась на кадык противника.

Рычание захлебнулось сипением. Существо схватилось за горло, выпуская гарпун, и

попыталось сделать шаг назад. Мышкин не дал ему этого шанса. Он захватил

запястье нападающего, провернул кисть против часовой стрелки, используя

инерцию падения врага, и добавил коленом точно в солнечное сплетение.

Медвежья шкура рухнула в ледяную кашу у края причала, подняв фонтан брызг.

Полковник наступил тяжелым ботинком на древко гарпуна, намертво пригвоздив его к доскам, и наклонился над обездвиженным телом.

Первым делом он поправил съехавший набок галстук. Вторым — достал из кармана пиджака носовой платок из египетского хлопка и аккуратно промокнул капельки воды с лица. Третьим — заломил здоровую руку существа за спину профессиональным приемом «двойной замок».

— Гражданин, — тяжело дыша, но сохраняя идеальную осанку, произнес Мышкин. —

Вы задержаны сотрудниками Федеральной Службы Контрразведки. У вас есть право хранить молчание, хотя после такого захвата гортани оно вряд ли вам понадобится в ближайшие сутки. Любое ваше слово может быть использовано против вас в суде.

Если у вас нет средств на государственного адвоката, он будет предоставлен вам бесплатно. Хотя, глядя на ваш гардероб, я сомневаюсь, что государство захочет тратить бюджетные средства на вашу защиту.

Противогаз издал булькающий звук. Степан Аркадьевич удовлетворенно кивнул.

Мишени отработаны штатно, протокол задержания мож-

но начинать заполнять прямо сейчас.

Он огляделся. Над местом крушения поднимался столб черного дыма. Из обломков самолета никто больше не выбрался — температура воды в это время года сводила шансы на выживание к нулю. А вот катер «Бесстрашный» выглядел вполне рабочим.

На корме стояла канистра с топливом.

Полковник бросил взгляд на свой портфель. Тот все еще болтался на плече. Замок выдержал удар гарпуна, документы внутри остались сухими. Это было главным. Сухой отчет о командировке важнее сухой одежды.

Мышкин взвалил бесчувственное тело на плечо. Весило существо килограммов сто двадцать, нести было неудобно, так как медвежья голова постоянно била полковника по затылку.

— И запомните, — наставительно сказал Степан Аркадьевич пленнику, волоча его к катеру. — Бить сотрудника при исполнении ногами по голени во время прохода в узком пространстве — это моветон. К тому же, согласно пункту четыре приложения к приказу номер восемьдесят восемь дробь эс, это класси-

фицируется как отягчающее

обстоятельство. Мы увеличим срок вашего пребывания в колонии-поселении

минимум на полтора года. Прыгайте в кокпит, только осторожно, тут скользко.

Он затолкал связанного хозяина острова в тесную рубку катера, пристегнул его

найденным на сиденье страховочным ремнем к ножке штурвала и начал методично

проверять приборы. Компас крутился волчком, игнорируя магнитные полюса.

Радиостанция шипела белым шумом. Зато двигатель завелся с пол-оборота, выпустив облачко сизого дыма.

Мышкин снял правую перчатку, достал из портфеля чистый бланк протокола личного досмотра и щелкнул кнопкой ручки.

— Итак, — сказал он, перекрикивая рев мотора и развивая катер прочь от

горящих останков Л-410. — Имя, фамилия, звание? Отказываетесь сотрудничать со

следствием? Ваше право. Тогда начнем с описи изъятого имущества. Предмет

первый: одна единица самодельного холодного оружия типа «гарпун», три

наконечника, общая длина два метра десять сантиметров.

Оценочная стоимость

материалов — рублей сорок. Записываем... Кстати, а где здесь включается обогрев

сиденья? Простуда крайне негативно сказывается на почерке, а мне сегодня еще

объяснительную писать по поводу утопления табельного оружия. Оно выскользнуло

из кобуры во время броска. Очень неудачное стечение обстоятельств. Двигатель

«Бесстрашного» чихнул, сбился с ритма и заглох. Посреди ледяного безмолвия

наступила оглушительная тишина, которую нарушал только свист ветра в ржавых

антеннах да жалобный стон привязанного к штурвалу пленника.

Полковник Мышкин перестал писать. Он медленно положил ручку на бортик рядом с

бланком протокола — строго параллельно краю, чтобы не нарушить эстетику рабочего места.

— Так-так, — произнес Степан Аркадьевич, глядя на приборную панель. Стрелка

датчика уровня топлива лежала на нуле уже добрых десять минут. Судя по всему, механизм был сломан еще при постройке катера. — Это крайне

непредусмотрительно. Оставлять служебный транспорт в

незаправленном

состоянии. Вы понимаете, что это классифицируется как преступная халатность, повлекшая за собой вынужденную остановку движения?

Он открыл дверцу бардачка. Внутри обнаружилась засохшая банка килек в томате, пачка «Беломора», разбухший от влаги томик Ленина и одинокий резиновый сапог.

Топлива не было.

Мышкин выглянул из рубки. До берега, откуда он так героически уплыл, оставалось

метров триста. Ветер начал ощутимо крепчать, швыряя в лицо колючую снежную

крошку. На скалах началось движение. Из темных расщелин, словно муравьи из

потревоженного муравейника, полезли другие фигуры в шкурах и противогазах. Они

размахивали обрезками труб, старыми костылями и одной явно рабочей бензопилой

«Дружба». Кажется, соплеменники задержанного очень хотели познакомиться со

спасшимся пассажиром гидросамолета.

— Нападение организованной группой лиц, — автоматически занес полковник новую

строку в протокол, хотя руки уже начинали мерзнуть без перчаток. — С применением

моторизованного инвентаря. Отягчающие обстоятельства

налицо.

Бежать обратно к пирсу означало попасть в окружение. Остаться на мертвом

катере — замерзнуть насмерть или дожидаться, пока его протаранят баграми.

Мышкин посмотрел на канистру, стоявшую на корме. Она была подозрительно

легкой. Он свинчивал крышку ровно три секунды. Понюхал горловину. Пусто. Кто-то

забыл не только заправить катер, но и наполнить запасную емкость. Уровень

некомпетентности местного персонала поражал воображение.

Степан Аркадьевич перевел взгляд на своего пленника. Тот мычал через остатки

разбитого противогаза и пытался ослабить узел страховочного ремня зубами.

— Знаете, — задумчиво сказал Мышкин, закрывая портфель-сейф. — Я всегда считал, что физическое воздействие на подсудимого — это признак дурного тона и

профессиональной деградации. Но ввиду форс-мажорных обстоятельств... Приказ

номер сорок четыре дробь ка допускает применение легких стимулирующих мер для

получения оперативной информации.

Полковник аккуратно повесил заполненный (пока лишь

на треть) бланк протокола на
гвоздик, вбитый в переборку. Затем он подошел к штурвалу, наклонился над
связанным мужчиной и вежливо похлопал его по плечу.
— Гражданин. Просыпайтесь. У меня к вам есть деловое предложение. Вы
предоставляете мне карту архипелага с указанием резервных складов горючего
Народно-хозяйственного флота СССР. Взамен я обещаю включить ваше имя в список
свидетелей защиты, когда дело дойдет до трибунала. Если же вы откажетесь...

Мышкин выпрямился. Его глаза за стеклами очков смотрели совершенно
невозмутимо, но правый уголок рта едва заметно дернулся вверх. Полковник снял
свой дорогой кожаный ремень, на котором висела пустая кобура.

— ...то я буду вынужден использовать ваш позвоночник в качестве рычага
переключения передач, а вашим черепом играть в боулинг с вашими друзьями на
берегу. Выбор за вами. Только, пожалуйста, отвечайте четче. Ваша текущая
артикуляция из-за поврежденной гортани напоминает звук неисправного сливного

бачка. Мне трудно вести протокол показаний.

Пленник замер. Его маленькие глазки за мутным пластиком забегали от лица

полковника к медленно приближающемуся берегу, где бензопила «Дружба» уже

завелась с оглушительным треском.

Существо начало отчаянно, почти иступленно мотать головой, издавая булькающие

звуки согласия.

— Чудесно, — кивнул Мышкин. — Всегда уважал людей, идущих навстречу

следствию. Разрежьте-ка его путы, товарищ капитан. Ой, простите, ножа у меня нет.

Забыл в брюках, которые сейчас покоятся на глубине трехсот метров. Придется грызть

веревки самому. У вас пять минут, пока они заводят вторую пилу. Шевелитесь, время

пошло.

Полковник отошел к борту катера, достал из портфеля тяжелый никелированный

термос, налил в крышку-чашку остывшего чая и сделал глоток. Руки больше не

мерзли. Адреналин — лучший согревающий крем. Главное теперь — не

поскользнуться на обледенелой палубе во время abordaja. Берег стремительно

приближался.

Берег встретил их градом камней. Один из булыжников размером с кулак звонко

ударил по кожаному портфелю, который Мышкин держал перед собой как ростовой

щит.

— Попытка порчи имущества при исполнении, — на автомате пробормотал

полковник, делая шаг назад и прижимая пленника к штурвалу. — Штраф от пятисот до

тысячи рублей. Плюс компенсация морального вреда.

Толпа в медвежьих шкурах ревела. Бензопила «Дружба» захлебывалась и чихала, но

упорно отказывалась заводиться. Кажется, у местного инженера-моториста замерзла

свеча зажигания. Это дало полковнику лишних тридцать секунд форы.

— Карта! — рявкнул Мышкин прямо в ухо булькающему от ужаса проводнику. — Где склад ГСМ?

Пленник замычал, указывая подбородком куда-то за спину полковника, на самую

высокую сопку острова, вершину которой венчало огромное металлическое блюдо

радиолокационной станции. Из трубы станции валил густой черный дым.

— Радарная? — Степан Аркадьевич нахмурился. — Там же должен стоять дизель-генератор. И бочки. Десятки бочек авиационного керосина или дизеля. Логично.

Если эти господа не топят печи обогащенным ураном, топливо должно быть там.

Проблема заключалась в том, что между катером и базой пролежала полоса припая —

смерзшегося, скользкого, как стекло, льда. А единственный путь наверх шел через

узкое ущелье, которое сейчас перегораживала толпа островитян.

Мышкин оценил диспозицию. У него есть один полуживой свидетель, портфель-сейф, пачка промокших бланков строгой отчетности и туфли ручной работы, которые уже

начали пропускать воду. Против них — человек двадцать агрессивных дикарей с

ледорубами. Шансы примерно равны, если правильно использовать фактор

внезапности и знание административного кодекса.

— План меняется, — сообщил полковник своему конвоируемому, хватая его за

шиворот медвежьей шкуры. — Мы идем на прорыв. Держитесь за мой ремень и не

отставайте. Если упадете — оформлю как попытку побега с летальным исходом. Для

вас.

Он разбежался и прыгнул на льдину. Подошвы дорогих туфель разъехались в разные стороны. Полковник взмахнул руками, совершил невероятный пируэт, восстанавливая центр тяжести, и покатился вперед, словно заправский фигурист, только вместо коньков у него была итальянская кожа, а вместо музыки — матюги преследователей. Пленник, привязанный ремнем за пояс, волочился следом на животе, собирая лицом всю мелкую ледяную крошку. Они врезались в ноги первой линии обороны. Островитяне явно не ожидали, что завтрак сам придет к ним в руки, да еще и на такой высокой скорости. Ближайший мужчина в противогазе замахнулся острой пешней. Мышкин отпустил ремень свидетеля ровно на одну секунду. Он нырнул под руку нападающего, используя инерцию скольжения. Его правый локоть жестко вошел точно в диафрагму противника. Второго он просто толкнул плечом в грудь. Сто килограммов тренированной плоти, помноженные на скорость несущегося поезда, сбили дикаря с ног. Тот рухнул навзничь, приложившись затылком об лед так, что треснуло не только мутное стекло маски, но, кажется, и сама черепная коробка. Полковник поймал брошенный конец ремня, намотал его

на кулак и дернул пленника

на себя, буквально выдергивая его из-под удара ржавым багром.

— Бегом! — скомандовал Мышкин, снова переходя на бег. Теперь это был странный, рваный аллюр: бежать по льду в мокрых кожаных подошвах было невозможно, поэтому полковник бежал *по людям*. Он перепрыгивал с одного плеча в медвежьей

шкуре на другое, отталкиваясь от голов, используя противников как живые

трамплины. Местные жители сталкивались друг с другом, падали, образуя кучу-малу, а Степан Аркадьевич мчался вверх по склону, элегантно перепрыгивая через торчащие камни.

Ущелье они проскочили за минуту до того, как бензопила наконец-то завелась.

Протяжный вой мотора прозвучал для полковника как финальный свисток судьи.

Вход на базу представлял собой массивную стальную гермодверь с огромным

колесом-штурвалом посередине. Рядом со штурвалом красовалась красная звезда и

надпись сурового советского шрифта: «Пост №1. Вход строго по пропускам серии "А"».

Мышкин тяжело выдохнул. Пар изо рта тут же превратил-

ся в иней на его ресницах. Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.